

Пётр ПОЛЕВОЙ

ИСТОРИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ДО ПОЯВЛЕНИЯ КНЯЖЕСТВ

Петр Николаевич Полевой
История русских земель до
появления княжеств. От
каменного века до славян
Серия «Неведомая Русь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74142241
ISBN 978-5-4484-5551-3

Аннотация

Впервые переиздаваемая в современной орфографии уникальная для своего времени книга профессора П.Н. Полевого — талантливый рассказ о достижениях исторической науки, о становлении отечественной археологии в XIX веке, о том, что происходило на русских землях с древности и вплоть до летописных времен. Текст сопровождают уникальные иллюстрации известных художников и фотографов того времени, что делает издание особенно привлекательным.

Содержание

К изданию 2026 г.	5
Предисловие	14
Первобытные обитатели Европы	20
Глава первая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Полевой Петр Николаевич
История русских земель
до появления княжеств
От каменного
века до славян

© Ермаков С., предисловие, 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

К изданию 2026 г.

Петр Николаевич Полевой (1839–1902) не был профессиональным историком и археологом, хотя базовое историческое образование как выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета имел (окончил его в 1861 году со степенью кандидата).

Он родился в многодетной семье выходца из сибирской купеческой среды, довольно известного в те годы писателя и критика Н.А. Полевого, рано остался без отца, но все же смог достойно окончить гимназию, получить высшее образование и ученую степень, после чего работал учителем в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, перешел в alma mater на должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы. В 1867 г. был назначен инспектором Херсонской гимназии, откуда с превосходными рекомендациями перешел на должность доцента русского языка и литературы в Новороссийском университете в Одессе. Вершиной научной карьеры П.Н. Полевого стала служба профессором Варшавского университета по кафедре русского и церковно-славянского языков. Однако подготовленная и получившая лестные отзывы докторская диссертация так и осталась незащищенной. Видимо, наследственная тяга к творчеству оказалась сильнее любви к науке, и в 1871 году П.Н. Полевой вышел в отставку, полно-

стью занявшись литературной деятельностью.

Уже через год вышли в свет «Учебная русская хрестоматия с толкованиями» в трех частях и «История русской литературы в очерках и биографиях». Они пользовались большой популярностью, хотя ныне порой получают упреки в компилятивности. С другой стороны, само слово «хрестоматия» подразумевает сборный характер издания. Затем последовала очередь «Общедоступной русской грамматики», но особое внимание П.Н. Полевой считал необходимым уделять прошлому нашей страны.

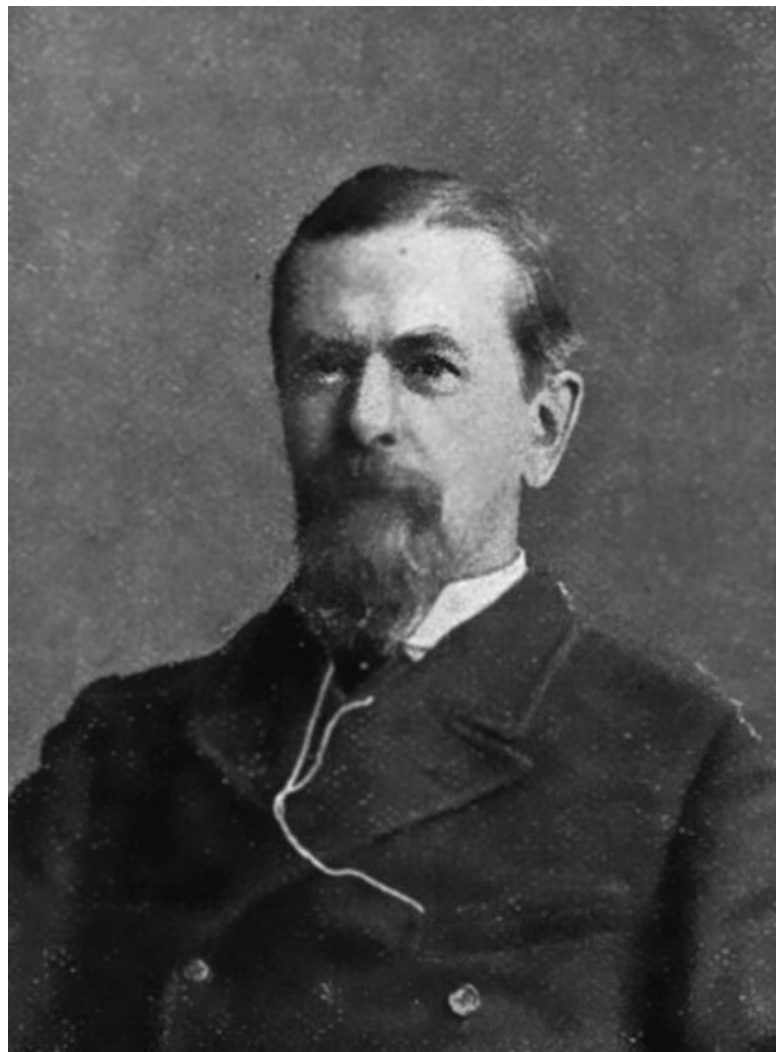
«Один из важных недостатков в образовании и развитии русского человека – это, конечно, незнание русской истории. Для огромного большинства отечественная история остается каким-то темным пятном в памяти – какою-то путаницей отдельных имен и эпох, какою-то скучною вереницею годов и событий, которые возникают в нашем представлении одинокими, неосмысленными, не связанными общей нитью народной жизни!» – писал он.

Видимо, руководствуясь этими соображениями, он пишет «Русскую историю для средних учебных заведений» и, наконец, двухчастную «Русскую историю в памятниках быта». Эту последнюю, если использовать современный язык, следовало бы назвать «Очерками истории материальной культуры земель России».

Книги пользовались успехом и принесли автору большую известность, и он получил пенсию Академии наук за выдаю-

щиеся заслуги – можно сказать, что Петр Николаевич стал лауреатом премии «Знание» за заслуги в народном просвещении и популяризации науки.

При этом он развивался и сам как ученый, переходя от простого описания к осмыслению и систематизации накопленных на то время знаний, постепенно примыкая к культурно-исторической школе в русской науке.

А вот попытка издания собственного литературного журнала «Живописное обозрение» обернулась для писателя неудачей и большими финансовыми потерями. Параллельно П.Н. Полевой написал и выпустил ряд исторических романов, повестей и сказок, не забытых и по сей день. Кроме того, под его редакцией и с его предисловием вышло первое полное собрание сочинений А. Мицкевича. Он же стал первым переводчиком знаменитого романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» и редактором сборника братьев Гримм «Детские и семейные сказки» (1893, в 1895 году переиздан под названием «Сказки, собранные братьями Гриммами»), четырехтомной «Всеобщей истории» О. Йегера.

К сожалению, неудача с журналом, утрата близких членов семьи, сына и дочери, а также сестры, параллельно с потерей пенсии, сильно подкосили силы и здоровье Петра Николаевича. Тем не менее, чтобы выжить и расплатиться с долгами, он продолжал интенсивно работать и в 1900 г. в издательстве А.Ф. Маркса вышла богато оформленная «История русской словесности с древнейших времен до наших дней» в трех томах.

В конце 1902 г. П.Н. Полевой выехал в Петербург, но по дороге простудился и слег с тяжелейшим воспалением легких. 31 января (13 февраля) 1902 года его не стало. Редакция журнала «Исторический вестник», с которым писателя

и ученого связывало многолетнее сотрудничество, писала в некрологе: «Все его произведения выделяются редким знанием эпохи и быта, изучением мельчайших подробностей предмета, умением живо и интересно излагать самый сухой материал».

Могила Полевого находится на Литературных мостках Волковского кладбища.

А что касается его умения излагать материал, с ним читатель вполне может познакомиться, продолжив листать эту книгу. «Русская история в памятниках быта» вышла в 1879–1880 гг., когда археология – собственно наука о материальной культуре и следах прошлого как таковая – только-только формировалась. Нет, разного рода раскопки велись давно, уже несколько столетий, но разумные люди отлично понимают, что в археологии (да и в любой науке о прошлом) главное не ценные артефакты, но тот контекст, в котором они существуют. Без него невозможно воссоздать целостную картину былого, понять закономерности, связи, процессы. Где именно, при каких обстоятельствах, в каком окружении сделана та или иная находка, для ученого порой оказывается важнее, чем то, сколь ценен материал, из которого она сделана. Однако чтобы сложилось понимание подобных вещей, требовалось время. В середине – конце XIX в. до него было далеко. Тем не менее русские археологи всячески старались проводить свои исследования на максимально высоком для тогдашней науки уровне. И не случайно XIX в. и в России ста-

новится временем великих археологических открытий, эпохой, когда прошлое стало открываться людям в значительно большей полноте.

Открытие памятников бронзового века на европейской части России, раскопки античных городов и скифских курганов, попытки разобраться со славянской прародиной не только на основе полубаснословных и неоднозначных по понятным причинам письменных источников... народы, заселявшие соседние с ранним Русским государством территории. По сути, можно сказать, что П.Н. Полевой оставил нам популярный очерк истории мировой и отечественной археологии XIX в., а также полученных с ее помощью знаний. При этом он старательно и отнюдь небесталанно помогает читателям сделать самое сложное: воссоздать, в меру сил и понимания тогдашней науки, тот самый исторический контекст эпохи, о которой рассказывает.

Нынешнему читателю, если он не слишком глубоко погружен в тему новейших методов археологических разысканий, и в голову не придет, насколько далеко с тех пор ушли вперед научные методы. Многие до сих пор думают, что, как и в XIX веке, поиск и изучение следов прошлого ведутся с помощью «тыка» и во многом зависят от удачи. Конечно, удача и случай играют немалую роль и в наши дни. Но ведь на службу археологам давно уже привлечены и новейшие приборные технологии, сама возможность существования которых и в голову не могла прийти исследователям полтора сто-

летия назад. Тем более мы должны быть благодарны им – тем людям, которые когда-то, пользуясь весьма примитивными способами, упорно вели работу и ухитрялись делать на основе полученных данных выводы, часть которых вполне актуальна и в наши дни.

В этом смысле книга П.Н. Полевого – талантливый рассказ о достижениях исторической науки и археологии первых трех четвертей XIX века, снабженный к тому же уникальными иллюстрациями известных художников и фотографов того времени. Она обращена к интересующимся читателям, которые не имеют профессиональной подготовки, и в таком качестве интересна и сегодня. Перед вами развернется достаточно общая и одновременно подробная картина жизни на территориях Восточной Европы ранних человеческих сообществ от палеолита и вплоть до становления ранне-средневекового Русского государства. Надо только помнить, что в своем знании о прошлом мы продвинулись далеко вперед.

С. Ермаков

Рис. 59. Общий вид Куль-Обской золотой вазы (в натуральную величину). Вес – $77 \frac{8}{4}$ золотника

Предисловие

Русская историческая наука давно обратила внимание на изучение бытовой стороны отечественной истории и уже с первой четверти нынешнего (XIX.– *Ред.*) века стала посвящать этому изучению труды лучших своих деятелей. В течение полувека очень многое для истории нашего быта было сделано усилиями частных лиц и учеными обществами, всецело или отчасти посвящавшими свою деятельность изучению памятников русской старины. Стоит припомнить дорогие для русской археологии имена графа А.И. Мусина-Пушкина, графа Н.П. Румянцева, митрополита Евгения, А.Н. Оленина и вызванный ими к деятельности кружок молодых ученых, чтобы понять, как много было сделано для изучения русских древностей в первой половине нынешнего века. Если мы прибавим к этому, что уже в 1804 году основано было Московское общество истории и древностей, в 1839 году – Одесское общество истории и древностей, а в 1846-м – Императорское археологическое общество в Санкт-Петербурге, то мы убедимся, что в течение всей первой половины нынешнего века интерес к изучению русской старины постоянно возрастал и усиливался.

Бессмертным памятником того горячего стремления к изучению своего прошлого, которое не переставало сказываться в нашем обществе и находило себе сильную поддерж-

ку и щедрую помощь в правительстве, является монументальное издание «Древностей Российского государства», которое и стоит как раз на грани, отделяющей первую половину нынешнего века от второй.

После пятидесятих годов круг изучения русских древностей заметно расширяется еще более; являются новые пути, новые потребности в этом изучении¹.

Однако же, несмотря на все, что уже сделано, изучение отечественной старины по специальным археологическим трудам оказывается делом весьма трудным даже для человека, имеющего хорошую научную подготовку и обладающего значительными материальными средствами, так как все археологические сочинения печатаются в очень ограниченном количестве экземпляров и вскоре после выхода в свет становятся библиографическою редкостью.... Что же касается большинства общества, то для него подобное изучение оказывается делом совершенно невозможным, потому что в литературе нашей нет ни одного общего, всем доступного и популярно изложенного сочинения о наших отечественных древностях.

А между тем давно уже в среде образованных русских людей ощущается потребность именно в таком общем сочинении по истории русского быта, которое бы заключало в себе не только существеннейшие о нем научные сведения, но и снимки с важнейших вещественных памятников. Желание удовлетворить этой потребности и было главною побу-

дительною причиною появления настоящего труда.

Но как удовлетворить этой живой потребности? Дать полную историю русского быта, такую историю, в которой были бы указаны все пережитые бытом стадии развития, все постепенные изменения, происходившие в нем под влиянием климатических условий, политических событий, торговых сношений и этнографических слияний, – при нынешней степени разработки археологического и исторического материала – мы не считали возможным. Поэтому мы и решились изложить важнейшие моменты истории нашего быта в виде ряда отдельных очерков. Этот план, положенный в основу нашего труда, дает нам в будущем полную возможность расширять программу нашего труда новыми вставками и дополнениями.

Определив задачу нашего труда, мы уже не считали себя обязанными, ради полноты, излагать чужие мнения и предположения, высказанные в нашей исторической литературе по тем вопросам, по которым или не собрано еще достаточно материалов, или материалы, уже собранные, оказываются еще недостаточно разработанными.

Так, напр., по вопросу о степени влияния различных народностей на быт русского народа – высокопоучительному и важному, как предмет изучения – современная историческая наука не представила еще никаких обобщений, за которыми она сама могла бы признать «право гражданства». Не следует забывать, что подобные обобщения добываются

только путем сравнительного изучения археологических памятников, а оно-то и находится у нас на самой первоначальной степени развития. Вот почему мы и видим себя вынужденными ограничиться приведением только наиболее важных данных о степени различных влияний, как в эпоху сложения Русского государства, так и в позднейшие эпохи.

На художественную сторону нашего издания было нами обращено особенное внимание. Сначала был составлен подробнейший список всего, что уже сделано в нашей археологической литературе по части снимков с важнейших памятников; затем эти памятники сличены между собою и в издание допущены только те из них, которые могли выдержать критику как со стороны верности оригиналам, так и со стороны художественности воспроизведения².

Трудности и замедления, сопряженные с выполнением этой стороны нашего труда, вынудили нас к печатанию его в виде отдельных выпусков, из которых каждый, однако же, будет представлять собою вполне законченное целое. Этим путем мы думаем, с одной стороны, облегчить приобретение нашей книги для значительного большинства, с другой – избежать тех невольных промахов и погрешностей, без которых почти немислимо печатанье большого труда.

Начало первого тома, представляемое в настоящее время читателям, включает в себе шесть глав, посвященных преимущественно эпохе, предшествовавшей возникновению первых русских княжеств, и до некоторой степени

знакомит нас с той исторической почвой, на которой эти княжества возникли. Во второй половине первого тома большая половина будет посвящена бытовой истории Киева, меньшая – бытовой истории Владимира и Суздаля. Второй том будет также подразделен на два неравных отдела: меньший посвятим Новгороду и Пскову, больший – Москве, до начала XVIII века.

В конце каждого тома будут нами помещены подробные указатели: имен собственных, географический и предметный.

Долгом считаем в заключение предисловия сказать несколько слов об истории нашего труда.

Первая мысль о «Русской истории в памятниках быта» явилась в начале 1876 года; но другие работы надолго отвлекли нас от ее выполнения, и только уже в 1877 году, незадолго до открытия Археологического съезда в Казани, явилась возможность приступить к труду, а немного позже – и исключительно ему предаться.

Труд этот, однако же, оказался бы для нас непосильным, если бы не встретил горячей поддержки со стороны Е.Е. Замысловского, который принял на себя весьма важную долю участия в выполнении нашей задачи³.

Особенное внимание к нашему труду выказали гг. К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Ф. Бычков и Л.Н. Майков, приглашенные для окончательного обсуждения выработанной нами программы и списка рисунков, входящих в состав первого

тома. Приносим им здесь нашу глубокую признательность.

Долгом считаем, сверх того, выразить нашу искреннюю благодарность гг. А.И. Гримму, Р.Э. Стефани, А.А. Кунику, И.Д. Дёллю, Д.И. Иловайскому, архимандриту Вениамину и В.В. Стасову, а также С.Н. Шубинскому, П.Я. Дашкову, А.П. Бушера и Ф.К. Эльцгольцу, любезно оказавшим содействие нашему труду словом и делом.

Не менее искреннею благодарностью почтим и память недавно почившего труженика археологической науки – достойного К.Н. Тихонравова, который, по первой просьбе нашей, доставил нам подробное и прекрасное описание владимирских и суздальских древностей, изучению которых посвящена была вся его жизнь.

От души желаем, чтобы труд наш хотя сколько-нибудь способствовал развитию и распространению в среде нашего общества глубокого и прекрасного чувства уважения к нашему историческому прошлому, которое непременно должно служить отличительным признаком всякого истинного просвещения...

С.-Петербург. 31 августа 1879 г.

П. Полевой.

Первобытные обитатели Европы

Вступление

Человек уже на самых первых ступенях гражданского развития проявляет желание знать свое прошлое, увековечивать важнейшие эпохи этого прошлого памятниками и передавать о нем сведения последующим поколениям. Чем грубее человек, чем теснее и уже горизонт его мысли, тем менее занимают его и помыслы о минувшей истории того народа, к которому он принадлежит. Для того чтобы народ постепенно мог подняться до потребности знать, до желания изучать свое прошлое, необходима уже довольно значительная степень развития, выражающаяся, прежде всего, сознательным отношением к своему настоящему. Еще более высока, еще более значительна должна быть степень развития народа, ощущающего потребность в знании не только своего прошлого, не только своей истории, но и всего, пережитого другими, известными ему народами.

Много различных усилий было потрачено человеком на переход от первой попытки увековечить память о поразившем его, важном событии грубою надписью или еще более грубым рисунком, иссеченными на скалах, к первым правильным летописным пометкам, вслед за которыми появились первые опыты плавного рассказа о событиях, и притом

о событиях, касавшихся жизни отдельных небольших центров, не возвышавшихся до значения мирового. Даже и на весьма высокой степени развития, образованнейшие народы древности долгое время не шли далее идеи частной, преимущественно отечественной истории. Но и тогда уже человеческая любознательность стремилась далее стеснявших ее пределов неизвестного, то воплощая себе смутные понятия о далеком прошлом, о началах цивилизации – в виде целого ряда мифов, то облекая в привлекательную форму баснословного, занимательного рассказа беглые заметки, отрывочные известия о темном и чуждом классической цивилизации мире варваров.

Первые попытки создать нечто, подобное «всемирной истории», перейти от истории одного народа к истории многих народов, дать «начало истории» явились под влиянием христианства, в ту эпоху, когда Библия явилась не только священной книгою, но и образцом новых литературных родов, и любимым источником вдохновения для всех образованных народов Европы. Тогда и начало истории стали заимствовать прямо из Библии, вполне удовлетворявшей любознательности большинства своим рассказом о происхождении человеческого рода, о его первобытной истории, и в особенности о расселении племен после потопа. Библейский рассказ разъяснял и дополнял многое, неясное дотоле в истории человеческого рода, обобщал ее, давал исходную точку для исторического изложения и даже предлагал готовую

родословную сыновей Ноевых, которая весьма легко и удобно поддавалась всяким этнографическим сопоставлениям.

«По потоппе трии сынове Ноеви разделиша землю, Сим, Хам, Афет. И яся (достался) восток Симови... Хамови же яся полуденная страна... Афету же яшася полунощные страны и западные: Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же в жребий братень, и живяху кождо в своей части; бысть язык един». Так, по образцу византийского хронографа, начинается свой рассказ и наш древний летописец. Затем он сообщает библейский рассказ о столпотворении Вавилонском, о разделении «единого языка» на «70 и 2 языка» и о расселении отдельных племен по всему лицу земному в пределах «трех жребиев». «От сих же 70 и 2 языку, – поясняет летописец, – бысть язык словенск, от племени Афетова, нарицаемии Норци, еже суть Словене». Дав такое начало своему рассказу, доставив таким образом славян в общую этнографическую родословную племен, происшедших от «рода Ноева», летописец полагает, что он уже ответил на все вопросы об отдаленном прошлом, и переходит к самой существенной части своего рассказа – к переселению славян на север и северо-восток и к описанию их быта, которым вводит постепенно в частную историю Киевской Руси.

Со времен нашего и других древнейших летописцев, довольтвовавшихся библейским началом истории, протекло еще около семи веков, прежде нежели вопрос о первобыт-

ном, древнейшем состоянии человеческого рода стал привлекать внимание европейских ученых, и во многих странах Европы пробудилось желание ближе ознакомиться с той эпохой жизни народов, которую так неправильно привыкли называть доисторической только потому, что от нее не сохранилось письменных памятников. Желание это оказывалось, по справедливому замечанию академика Бэра, естественным результатом «знания весьма различных состояний образованности у отдаленнейших народов, с которыми познакомили нас путешествия по океану», а это знание заставило предполагать, «что весь род человеческий, на пути к достижению более удобного и спокойного существования, должен был испытать различные состояния, зависевшие от времени и от местных условий страны».

Но гордость европейца долгое время не могла примириться с этими совершенно правильными соображениями по отношению к своему доисторическому прошлому. Под влиянием различных условий в цивилизованном европейце исстари сложилось представление об отдаленном прошлом, как о «золотом веке»; в прошлом столетии, пока еще недостаточно был изучен быт дикарей в различных странах земного шара, европейские мыслители даже любили возводить «дикого человека» (*l'homme sauvage*) в идеал простоты и всевозможных добродетелей... Но когда быт дикарей был ближе исследован и подвергнут тщательным наблюдениям, тогда показалось особенно невероятным предположение, что

когда-то, хотя бы и в доисторическую эпоху, первобытные жители различных стран Европы стояли на одной ступени развития с эскимосами, а, может быть, и ниже их. По крайней мере, когда известный шведский ученый Нильсон заявил в 1834 г., что, по его убеждению, древнейшие обитатели Скандинавии были дикарями, подобными океанийским дикарям, и что для охоты и для рыбной ловли они употребляли каменные и костяные орудия, на ученого, по его собственному признанию, посыпались отовсюду насмешки и даже брань!...

Однако же более внимательное изучение давно минувшего прошлого, открытие новых памятников, совокупные усилия ученых, трудившихся в различных странах над различными отраслями знания, сопоставление и сравнение отдельных, разрозненных наблюдений при помощи сравнительного метода изучения – все это привело к тому, что высказанные Нильсоном положения были признаны всем ученым миром за непреложные научные истины, и европейская наука пришла наконец к правильному представлению о быте древнейших обитателей Европы.

Для изучения этого быта мы должны мысленно перенестись в отдаленную глубь веков, в мрак того периода, когда развитие человечества шло очень медленным путем, не ограничиваемое хронологически-определенными эпохами, не стесняемое резко выделяющимися этнографическими данными. В этом периоде быт древнейших обитателей

Европы, как на Западе, так и на Востоке ее, не только в существенных чертах своих, но и в подробностях, представляет множество сходных (можно почти сказать, общих) черт. Вот почему, излагая в первых главах нашей книги факты, касающиеся древнейшего быта обитателей Восточной Европы, мы должны будем постоянно обращаться к главнейшим выводам и данным, добытым учеными западноевропейскими.

Глава первая

Каменный век

Первые находки доисторических древностей в Европе. — Понятие о трех веках: каменном, бронзовом и железном. — Первые — открытия орудий каменного века во Франции. — Открытия в пещерах; исследование кухонных остатков. — Места поселений каменного века. — Два периода каменного века: древнейший и позднейший. — Материалы и способы изготовления каменных орудий. — Орудия нешлифованные и шлифованные. — Сверление каменных орудий. — Занятия людей в каменном веке: рыболовство и охота; гончарное дело. — Орнаментика глиняных изделий и украшения. — Могилы каменного века и способы погребения мертвых. — Черепа людей каменного века. — Общая картина быта каменного века. — Отношение каменного века к остальным двум векам. — Общие выводы относительно каменного века в Западной Европе.

Каменный век в России. — Старейшая коллекция каменных орудий. — Успехи археологической науки в России за последнее десятилетие. — Каменный век не был одновременным для всех местностей России. — Находки г. Полякова на Севере России. — Находки на Юге России. — Находки на Волыни и в Муромском уезде Владимирской губернии. — Общие выводы. —

Предания о каменном веке в письменных памятниках.

Уже за много веков до нашего времени во всей Европе были находимы различные орудия из камня и из сплавов меди с оловом и цинком. Эти орудия, находимые случайно на поверхности земли или добываемые из недр ее корыстью кладоискателей, большею частью не удостоивались особенного внимания, и если даже попадали в некоторые коллекции, то более как курьезы, нежели как предметы, важные по своему археологическому значению⁴.

Только по истечении первой трети нынешнего столетия на эти остатки древнейшей культуры обращено было серьезное внимание. Честь весьма важных открытий на этом поприще принадлежит датскому ученому Томсену в Копенгагене и шведскому ученому Нильсону в Лунде. Они, по отношению к исследованным ими местностям своей родины, пришли к тому заключению, что был когда-то, в более или менее отдаленное время, такой период в развитии предшествовавших поколений, когда люди, еще не знакомые с железом, изготовляли себе и домашнюю утварь, и орудия, и оружие, и украшения из особого сплава меди с оловом (или свинцом), более известного в настоящее время под названием бронзы. Заключили, что, вероятно, в ту пору железо или вовсе не было известно на Скандинавском полуострове и в Дании, или, по крайней мере, его еще не умели обрабатывать.

Эти весьма важные факты повели к дальнейшим заключениям. Во многих могилах, относящихся несомненно к весь-

ма отдаленному прошлому, найдены были только орудия из камня и кости и не найдено никаких металлических вещей; из камня и кости оказывались сделанными те же предметы, которые впоследствии делались из бронзы. Принимая в соображение тот неимоверный труд, с каким сопряжено было изделие из камня вещей, которые потом было гораздо легче отливать из бронзы, ученые пришли к тому заключению, что было время, когда вообще не было известно употребление металлов. Этому отдаленнейшему периоду истории человеческого развития придали название каменного века, последующему за ним периоду – название бронзового века. Наконец, более близкому к началу истории, тому периоду, когда люди ознакомились с ковкою железа и мало-помалу стали заменять каменные и бронзовые предметы другими, выкованными из железа, дали название железного века. Дальнейшие исследования и одновременные находки в различных странах Европы – во Франции, Англии, Германии и Швейцарии – привели к тому убеждению, что такое подразделение древнейшей культуры человечества на три века, каменный, бронзовый и железный (в смысле трех неопределенных, неравномерных, более или менее продолжительных периодов) может быть признано правильным, так как находит себе подтверждение в весьма значительной массе памятников вещественных, несомненно, относящихся к весьма отдаленной эпохе.

После того как это разделение древнейшей истории культуры на три века было принято в науке, ряд новых расследо-

ваний и сравнений привел к еще более правильной и более точной постановке вопроса о том состоянии, в котором история застаёт первобытных обитателей Европы. Ученым удалось восстановить некоторые стороны (хотя и в общих, бледных чертах) их быта, соответственно вышеупомянутым трем векам. Такие богатые результаты были, однако же, достигнуты не одною историческою наукою; они явились следствием совокупных и дружных усилий, как со стороны ученых, посвятивших себя изучению наук исторических, так и со стороны естествоиспытателей. Археологи и историки, геологи и палеонтологи, физики и химики – все одинаково трудились над решением различных вопросов, важных для первобытной истории человека в Европе, и только при взаимной научной помощи успели достигнуть того, что в настоящее время оказывается возможно говорить о быте людей каменного и бронзового века, хотя и отрывочно, и не вполне связно, но все же опираясь на некоторые положительные научные данные.

Еще весьма недавно распространено было между естествоиспытателями мнение, что человек явился на земле очень поздно, после того как успели уже исчезнуть многие наиболее крупные породы первобытных животных и прекратились древнейшие перевороты на земной поверхности. Даже такие авторитеты, как Кювье, утверждали, что вместе с остатками допотопных носорогов и мамонтов никогда не были и не будут найдены человеческие кости. Но в конце 30-

х годов нынешнего (XIX) столетия наука стала неожиданно быстро пополняться целым рядом новых фактов, которые оказались в такой степени важными, что пришлось отказаться от прежних воззрений на относительную недавность появления человеческого рода на Земле.

Первые открытия, поколебавшие установившееся в науке мнение об относительной недавности существования человека на земле, сделаны были во Франции и Бельгии.

В 1828 году гг. Турналь и Кристоль открыли в Южной Франции, в пещерах Лангедока, в глинистом слое, остатки костей и зубов человека, вместе с костями пещерной гиены и давно вымершей в Европе породы носорога; в том же слое попадались и черепки горшков грубейшей работы⁵.

Когда появились первые заявления об этих находках, отовсюду посыпались возражения и опровержения. Самым веским доводом со стороны тех ученых, которые отрицали всякое значение открытий Турналя и Кристоля, было именно то, что кости человека, найденные вместе с костями вымерших пород животных, могли принадлежать не одной с ними эпохи, так как пласт почвы, в котором гг. Турналем и Кристолем сделаны были любопытные находки, не был исследован и определен ими с достаточною геологическою точностью.

Около того же времени известный бельгийский анатом и палеонтолог д-р Шмерлинг, много лет сряду занимавшийся исследованием пещер в долинах бассейна Мааса, решился

обнародовать результаты своих раскопок (1833–1834 гг.). В пещерах Анжис и Анжиуль (в 8 милях на юго-запад от Лютиха) он нашел остатки скелетов и черепа людей в одном слое с зубами мамонта, ископаемого носорога, пещерного медведя и северного оленя. При костях нашел он грубо обработанные орудия из кости и груботесаные каменные. Д-р Шмерлинг, сообщая о своих открытиях, заявлял положительно, что, по его мнению, первобытные обитатели Бельгии жили в бассейне Мааса одновременно с допотопными животными. Но такова была сила авторитета Кювье, что никто не обратил должного внимания на заявления д-ра Шмерлинга, и сам Лайель сознается, что, ознакомившись в 1833 г. с богатой коллекцией Шмерлинга, он не мог победить своих сомнений и не придал никакого значения исследованиям почтенного бельгийского ученого⁶.

Однако же целый ряд удачных раскопок в Англии (близ Торки, на острове Вайте), в период между 1834–1842 гг., заставил отнестись серьезнее к тем ископаемым остаткам седой древности, которые около того же времени в большом изобилии стали обнаруживаться в одной из областей Франции.

В Пикардии, в бассейне р. Соммы, в особенности близ Абевилля и Амьена, стали попадаться грубо обтесанные куски кремня, вместе с костями мамонта, ископаемого носорога и других больших, давно исчезнувших пород животных. Эти кремни и кости были находимы в слое, относящемся

к дилювиальным формациям, т.е. таким, которые ныне более не осаждаются и приписываются геологами весьма сильному движению больших масс воды или льда. Ученый Буше де Перт еще в 1838 г. решился утверждать, что обтесанные кремни, найденные близ Абевилля, представляют собою произведения рук человеческих и служили орудиями допотопным людям. Затем, посвятив исследованию той же местности целый ряд годов (1841–1847), Буше де Перт успел составить богатую коллекцию груботесаных кремневых орудий и еще более убедиться в правоте своего взгляда, который гораздо позже блистательно подтвердился новыми открытиями в той же местности и во многих других⁷.

В 1852 г. недалеко от Ориньяка⁸, при источниках Гаронны, найдена была в скале пещера, в которой оказалось множество костей человеческих⁹ и животных. Французский геолог Ларте, исследуя почву пещеры, нашел в рыхлой земле кости человеческие, перемешанные с костями мамонта, ископаемого носорога, медведя-пещерника (также исчезнувшего вида), кости и зубы зубра, оленя и множество лошадиных. Особенно важно то, что Ларте, прямо перед входом в пещеру, нашел большой слой пепла и угля, а под этим слоем – род очень грубо устроенного очага. На очаге и вокруг него валялись сотни зубов и обломки костей животных, отрывающих жвачку. Одни из них носили на себе явные следы действия огня, другие – нет. Многие из костей оказались расколоты-

ми при помощи грубых инструментов, и мозговые полости их были вскрыты. Сверх того найдены были там же грубые кремневые орудия, а в земле, внутри пещеры, множество изделий из кости и рога, служивших остриями копий и стрел. Таким образом здесь открыты были несомненные следы присутствия человека и одновременной с ним жизни на земле многих давно вымерших пород больших животных.

Тот же ученый описал еще другие пещеры во Франции, которые, по-видимому, также были обитаемы людьми, но в гораздо позднейшее время. Так в одной из них также открыты были изделия рук человеческих и также из камня и кости, но отличающиеся большим искусством выработки; в других пещерах не найдено было костей совершенно вымерших животных, однако же преимущественно таких, которые давно уже не водятся на западе Европы, хотя и живут еще в некоторых краях ее (зубр, каменный баран, различные породы оленя). Здесь же Ларте нашел и мелкие черепки глиняной посуды, которых не встретил в Ориньяжской пещере. Следов домашнего скота не найдено ни в одной из этих пещер.

В конце 50-х годов, вслед за открытиями Ларте, когда все европейские ученые с жаром принялись за разыскания о первых временах человечества в Европе, множество пещер подобного рода было открыто и исследовано в Великобритании, Франции и Италии. В то же время не менее любопытные открытия сделаны были в Бельгии и Германии. В пещере, открытой близ Люттиха, нашли человеческие кости, крем-

невые, груботесаные орудия и кости пещерной кошки, зубра, лося и лошади; в другой же бельгийской пещере, близ Шово (Chauvaux), рядом со вскрытыми полами костями животных, были отысканы точно таким же образом вскрытые кости человеческие, как бы указывавшие на существование людоедства в каменном веке¹⁰.

Еще важнее были данные, доставленные находкой при Шуссенриде в Шварцвальде в 1866 г. На высоте 200 футов над поверхностью моря, в слое, состоявшем из остатков старых ледников, из-под толстых слоев торфа и известкового туфа обнажилась на довольно значительном пространстве поверхность земли ледникового периода, поросшая ягелем¹¹, и на ней – рядом с костями северных хищных животных и костями певучего лебедя, попадающегося ныне только в Лапландии и на Шпицбергене, – найдены были массы костей и рогов северного оленя. Рога носили на себе признаки обделки рукою человека, и, очевидно, при помощи кремневых орудий, которые найдены были тут же, вместе с осколками кремня. Внимательное изучение шуссенридской находки привело к тому заключению, что в течение ледникового периода северный олень еще не был домашним, ручным животным, как это можно видеть из того, что не открыто при этом никаких следов собаки, без которой немислимо содержание стад¹².

В то время как геологи занимались на юге и западе Ев-

ропы исследованием древнейшим пещер, на севере Европы производился ряд других исследований, не менее важных для ознакомления с жизнью человечества в давно прошедшие времена. На побережьях Каттегата замечены были кучи раковин, вышиной от 3 до 10 футов и длиною (некоторые) от 100 до 1000 футов; на них долгое время не обращали внимания, принимая их за случайно нанесенные морем. Но различные, весьма тонкие и остроумные наблюдения побудили зоолога Стеенструпа, вместе с физиком Форхгаммером и археологом Ворсо, подвергнуть эти кучи раковин тщательному исследованию. Исследования привели их к убеждению, что эти кучи представляют собою остатки морских животных, которые некогда были употреблены в пищу людьми. Исследователи нашли среди раковин большое число рыбьих костей, а также и несколько тысяч костей и обломков костей, принадлежавших животным, водящимся на суше. В числе костей четвероногих и птиц найдены в этих кучах кости таких пород животных, которые давно уже перестали водиться в Дании и Южной Швеции (напр., глухаря, бобра, северного оленя). Из нынешних домашних животных отысканы были в кучах только кости собаки; очевидно, что и ее мясо человек в то время точно также употреблял в пищу, как и мясо хищных животных: вместе с костями собаки в кучах попадались кости волка, лисицы, куницы, выдры и дикой кошки. Никаких следов металла или признаков знакомства человека с хлебными растениями в этих кучах не

отыскано; в них попадались одни только обломки изделий из камня и кости и черепки глиняной посуды чрезвычайно грубой работы; около куч нередко находили уголь и другие признаки огня, а также и грубо сложенные из камня очаги. Ученые придали этим кучам оригинальное, хотя и далеко не точное название *кухонных остатков*, или *кухонного сора*, и признали их остатками пиршеств какого-то древнего народа, жившего в ранние времена каменного века на морских побережьях и преимущественно питавшегося рыбой и моллюсками. Судя по этому, должно предполагать, что люди каменного века, преимущественно занимавшиеся рыболовством, охотнее всего селились около вод, на морских побережьях, а внутри страны по берегам рек и озер, не только доставлявших обильную и легкодобываемую пищу, но вместе с тем и служивших единственными удобными путями для передвижения с места на место¹³.

Все вышеуказанные открытия и находки, тщательно исследованные и изученные европейскими археологами за последние двадцать лет, привели, наконец, к возможности составить себе о быте древнейшего периода некоторое, хотя и далеко не полное, но все же довольно правильное представление.

Прежде всего обращено было внимание на то, что каменные орудия, находимые в Европе, принадлежат к двум отдельным родам произведений: одни просто и грубо вытесаны из кусков кремня, посредством отбивания осколков от цель-

ного куска; другие же тщательно вышлифованы из других каменных пород, путем долгой и упорной работы, невольно побуждающей нас изумляться терпению этих первобытных дикарей в обработке твердого камня. Есть основание думать, что эти два способа обработки камня составляют отличительные признаки двух эпох каменного века – древнейшей (палеолитической) и позднейшей (неолитической¹⁴), отделенных одна от другой весьма большим пространством времени. Заметим здесь, кстати, что к позднему периоду каменного века относится и та, совершенно особая форма быта, которая выразилась в так называемых свайных постройках. Но так как эта форма быта явилась переходною ступенью к бронзовому веку, то мы подробнее скажем о ней в следующей главе, а в настоящее время обратимся к изучению памятников быта, относящихся к древнейшему периоду каменного века.

Наиболее удобным для употребления в груботесаном виде оказывался кремнь, которого острые осколки, по-видимому, доставили человеку первые режущие орудия. При этом в отбивании осколков от кремня люди каменного века достигали значительного совершенства, то придавая длинным плоским кускам кремня форму обоюдоострых ножей, то округлую форму скобелей для очистки кожи, то форму кинжалов или наконечников стрел и копий довольно красивого очертания. Особенно ловко умели отбивать от пластинок кремня самые мелкие кусочки, придавая этим пластин-

кам форму пилы.

Преобладающею формою орудий древнейшего периода каменного века является форма клина, из которой постепенно развиваются впоследствии топоры и молоты, рубила и долота. Последние формы принадлежат по преимуществу позднему периоду каменного века, судя по тому, что их находят обыкновенно в шлифованном виде. Ворсо, глубокий знаток древностей каменного века, замечает относительно выделки этих каменных орудий, что «большие клинья сперва вырубались из больших кусков камня при помощи каменных же орудий шаровидной или эллиптической формы, а потом уже обтачивались и отшлифовывались на больших, плоских брусках; другой род орудий – долота или резцы – в особенности те, которые имели лезвие округлое или желобчатое, вытачивались на выпуклых брусках»¹⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.